

В. Г. Осипова

В. И. ЛЕНИН О ГИБКОСТИ ПОНЯТИЙ

В замечательном ленинском философском наследии значительное место уделено вопросам диалектики познания, в частности, раскрытию диалектической природы понятия. Чем же обусловлено обращение Ленина в пору бурных революционных событий к таким, казалось бы узко-специальным логическим и теоретико-познавательным вопросам?

Начало нашего века ознаменовалось большими сдвигами как в области общественно-политического развития, так и научного знания. В новых условиях, когда капитализм вступил в фазу империализма, в рабочем движении, в противовес неотвратимому процессу широкого проникновения идей социальной революции и социализма, появился целый ряд реформистских и ревизионистских направлений, фактически являющихся проводниками буржуазного влияния в рабочем движении. Главной мишенью нападков и критики для этих направлений стал марксизм. В борьбе против идеологии марксизма представители этих направлений в теоретическом, философском отношении опирались на антидиалектику. Поэтому и защита диалектики, диалектического метода познания стала одной из важнейших теоретических задач в борьбе против критиков марксизма, прибегающих к самым разнообразным приемам, вплоть до применения софизмов, чтобы объявить марксизм устаревшим, не соответствующим новой социально-классовой обстановке.

В развитии науки были сделаны важнейшие открытия, которые вплотную подвели ее к диалектическому материализму. В частности, существенное изменение понятийного строя естествознания, вплоть до коренной ломки понятий классической физики, могло осмысливаться лишь при условии диалектического способа мышления. Незнание диалектики, говорил Ленин, приводит естествоиспытателей, пытающихся теоретически осмыслить эти сдвиги в научном знании, к тому, что они подпадают под влияние реакционных течений субъективно-идеалистического, агностического толка.

В наше время, в условиях укрепления сил социализма и коммунизма и одновременного оживления антикоммунизма, а также продолжающегося процесса перехода естествознания к диалектическому способу мышления, ленинская разработка проблем диалектики познания, в частности его идеи о диалектической природе понятия, представляют непреходящую ценность.

Термин «гибкость понятий» обозначает важнейшую характеристику их диалектической природы—их изменение и развитие путем развертывания заложенных в них противоположностей. Для того чтобы полно-

стью раскрыть этот важнейший момент субъективной диалектики, следует предварительно коротко остановиться на некоторых вопросах объективной диалектики.

Одним из лаконичных определений диалектики как науки является указание на то, что она есть наука о развитии и всеобщей связи. Непосредственно данное нам многообразие предметов и явлений, воспринимаемое нами как действительность, не представляет собой хаотической совокупности случайных элементов, а обязательно предполагает всестороннюю связь этих предметов и явлений, обусловленную материальным единством мира.

В сформулированных в «Философских тетрадах» знаменитых шестнадцати элементах диалектики В. И. Ленин особое место уделяет важнейшему элементу—«всей совокупности отношения этой вещи к другим». Он пишет: «Отношения каждой вещи (явления etc) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc) связаны с каждой»¹.

Проблема связи очень сложна и интересна. В данном случае мы лишь констатируем бесконечное многообразие ее форм, обуславливаемое бесконечностью форм существования материи и бесконечностью взаимодействия. «Взаимодействие,—писал Ф. Энгельс,—вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю... Так естественным образом подтверждается то... что взаимодействие является истинной *causa finalis* (конечной причиной) вещей»².

Формы и проявления всеобщей связи многообразны уже в силу наличия у каждой вещи бесчисленного множества сторон и свойств, «моментов» ее связи с бесчисленным количеством других предметов при разнопорядковой общности этих сторон и свойств. Сам процесс познания все глубже, многосторонней демонстрирует многообразие связей между явлениями: «От сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»³.

Само понятие связи и взаимодействия предполагает движение. И, наоборот, понятие движения характеризует связь. Энгельс писал, что в том обстоятельстве, что «тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»⁴. Итак, всеобщая связь, обусловленная материальным единством мира, и движение выступают в объективной действительности как единое, взаимообусловленное явление и как два принципа диалектики, о которых Ленин писал: «I принцип развития, II принцип единства», указывая, что «всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом един-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 214.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952, стр. 183—184.

³ В. И. Ленин, т. 38, стр. 214.

⁴ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 45.

ства мира, природы, движения, материи etc»⁵. Это указание уже относится к области диалектики как метода познания и отражения действительности.

Естественно, что многообразие признаков и свойств каждой вещи, обусловленное имманентно присущим ей постоянным движением, изменением и многосторонностью ее связей, предполагает универсальную взаимосвязанность и взаимодействие всех ее компонентов в воспроизведении этой вещи в понятии. Говоря в общем, для того, чтобы в понятиях всесторонне отобразить мир в его движении и развитии, понятия вступают между собой в такие же отношения обусловленности, что и явления.

Диалектика, отмечал Ф. Энгельс, «рассматривает вещи и понятия в их связи, в их взаимодействии и в обусловленном этим взаимодействием изменении, в их возникновении, развитии и исчезновении»⁶.

Формулируя основную проблему понятия в вопросе адекватного отображения диалектики действительности, Ленин писал: «Вопрос не в том, есть ли движение, а в том, как его выразить в логике понятий»⁷.

Условием жизненности понятий является их гибкость, подвижность, релятивность, текучесть. Ленин указывал, что понятия должны быть «обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»⁸. Самое широкое обоснование подвижности понятий—это указание на то, что будучи отражением действительности, абстрагируясь от конкретного бесконечного многообразия материальной действительности, они приспосабливали и свойственную материи, имманентно присущую ей способность к движению. Не будь понятия гибки и релятивны, они не смогли отразить неисчерпаемые модуляции реальных явлений.

Именно в силу этих свойств понятия могут отобразить реальную диалектику действительности, могут стать орудием ее познания. «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучение движения понятий, их связи, их взаимопереходов...»⁹.

Диалектика берет понятия не как готовые образования, а в живом процессе познания человеком действительности, в процессе становления и развития картины мира в сознании человека, т. е. в непосредственном процессе становления самих понятий. При таком рассмотрении картина мира предстает как связанная система понятий, которые развиваются, обогащаются, переходят друг в друга, вступая в самые различные связи и отношения, вытекают одно из другого, как бы порождая друг друга. Это обстоятельство выступает особенно наглядно при рассмотрении ис-

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 251.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 14, стр. 379.

⁷ В. И. Ленин, т. 38, стр. 252.

⁸ Там же, стр. 136.

⁹ Там же, стр. 249.

торического развития как любой отдельной науки—математики и политической экономии, физики и биологии, так и процесса познания в целом,—процесса освоения мира человеком в своих понятиях. Природа постепенно как бы раскрывает свое богатство в понятиях человека: именно это обстоятельство мистифицировал Гегель, представив его как процесс самосознания абсолютной идеи, развернувшей свое богатство в природе (в «косной материи») и снова обретшей (в понятиях человека) свою истинную идеальную форму. Такая мистификация произошла, помимо прочего, в результате абсолютизации «чистого движения мысли в понятиях человека» (Маркс). Но это не должно служить поводом к тому, чтобы впасть в другую крайность и не видеть относительной самостоятельности мышления и познания. Именно благодаря этой относительной самостоятельности и становится возможным отвлечение от исторически конкретных путей развития познания, от зигзагов в действительном процессе отражения мира в человеческом сознании и рассмотрение этого процесса как строгого, логически стройного построения из понятий, взаимосвязанных и вытекающих друг из друга.

В этом отношении не случайна аналогия, проведенная Лениным между «Наукой логики» Гегеля и «Капиталом» Маркса, особенно его первой главой: у Гегеля рассмотрение начинается с чистой идеи и заканчивается абсолютной идеей, которая впитывает в себя все богатство предшествующих определений; у Маркса же анализ понятия товар приводит в конечном итоге к воссозданию в мысли капиталистического способа производства во всем богатстве его определений. Но у Гегеля развивающиеся понятия являют собой предельные абстракции и, как замечает Маркс, служат канвою, а вещи же превращаются в узоры; между тем у Маркса движение и развитие понятий абстрактно-логически отражает действительное развитие действительного товарного производства. При подобном, вполне правомочном, рассмотрении замечательно четко обнаруживается, что гибкость, изменчивость понятий является органическим свойством, обусловленным имманентной диалектической структурой понятия, с одной стороны, и его внешней динамичностью (в смысле изменения бесконечного многообразия его связей)— с другой. Причем эти оба момента выступают во взаимосвязи и взаимодействии. Эта диалектическая структура понятий раскрывается в их развитии через развертывание заложенных в них противоположностей. Диалектическая логика видит источник развития понятий в самой противоречивой природе понятий как единства противоположностей.

В проблеме противоречивости понятий необходимо учесть два момента: первый—противоречивость понятия в силу отражения в нем противоречий материальной действительности, противоречивой сущности явлений и предметов и второй момент—противоречивость самого понятия как логической категории.

Первый момент противоречивой природы понятия выступает при «предметном» исследовании развития понятия, т. е. если рассмотреть, как отражается развитие действительности в развертывании определен-

ной системы понятий. Примером этого может служить систематическое изложение любой отрасли знаний путем выведения одних понятий из других. В этом случае каждое определенное понятие как бы развертывает заложенные в нем противоположности, которые суть противоположности конкретной действительности (так обстоит дело при развертывании противоречий категории «товар» в первой главе «Капитала», которые суть конкретные противоречия товарного хозяйства).

Второй момент противоречивой природы понятия обнаруживает себя при более общем, абстрактном рассмотрении, когда предметом исследования становятся сами понятия—«понятия как таковые», «понятия вообще». Здесь понятия берутся уже не **своей конкретной содержательной стороной** (не так, как, скажем, в политической экономии развертывается система понятий «товар», «труд», «стоимость», «деньги» и т. д., а в кинематике—«движение», «скорость», «ускорение», «сила», «энергия» и т. д.); здесь отвлекаются от того, каково конкретное содержание понятий. Противоречивая природа развивающегося понятия выступает здесь как развертывание заложенных в нем противоположностей в таких **общих категориях**, как единичное, особенное и всеобщее, абстрактное и конкретное, бесконечное и конечное. Фактически это есть более общий план того же «предметного» рассмотрения, в отвлечении от его конкретной специфичности.

В этом втором моменте противоречивой природы понятия особо существенным для понимания гибкости понятий является взаимоотношение в них единичного и общего.

В корне отличаясь от восприятия и представления, являющихся формами чувственной ступени познания, понятие—продукт деятельности мышления—отражает существенное в действительности. Оно лишено наглядности, и в этом смысле оно не в состоянии в каждом отдельном случае воспроизвести неповторимую специфичность, своеобразие каждого единичного явления материальной действительности. Понятие всегда является отражением предмета в его общих, существенных признаках, в отвлечении от побочных для данного случая обстоятельств. Процесс познания единичного предмета проходит через общие понятия, и лишь их совокупность дает конкретное, как воссозданное в абстракциях богатство действительности. В этом смысле Ленин писал, что общее «только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью»¹⁰.

С другой стороны, понятие во всех случаях есть сгущенное, концентрированное выражение сущности единичного. И в реальной действительности, к объективному воспроизведению которой стремится понятие, всеобщее всегда выступает в форме единичного, специфического.

Однако вся диалектичность соотношения этих противоположностей в том, что они во всех случаях едины и даже могут стать тождественными. Именно в единстве и проявляется их противоположность. Понятие

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 275.

как общее отражает сущность единичного. Причем единичное выступает как исходный пункт и конечный результат. Мы познаем общее для познания единичного и овладения им. Они взаимодополняются и взаимообуславливаются. Добытое в результате познания понятие выступает как единство, тождество и единичного, и особенного, и всеобщего, ибо во всех случаях оно вскрывает единую в своей многогранности сущность явления. Это осуществляется посредством взаимопереходов противоположностей, той диалектической формы связи, в которую вылилась в понятиях объективно существующая в действительности диалектика взаимосвязи и взаимообусловленности явлений.

Взаимопереходы противоположностей в понятии—это одна из основных характеристик его гибкости: с одной стороны, как форма осуществления ее, с другой—как указание на сферу ее действия, на ее диапазон—от изменения в нюансах до перехода в противоположность. Материалистическая диалектика, указывает Ленин, включает в себя «не только единство противоположностей, но переходы КАЖДОГО определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность?)»¹¹.

В своем конспекте «Науки логики» Гегеля Ленин особо выделяет следующую мысль Гегеля: «...так все противоположности, признаваемые за нечто прочное, например конечное и бесконечное, единичное и общее, суть противоречия не через какое-либо внешнее соединение, а напротив, как показывает рассмотрение их природы, они сами по себе суть некоторый переход». В связи с этим Ленин сформулировал следующее положение, которое можно считать ключевым в определении природы гибкости понятий. Он пишет: «Понятия не неподвижны, а—сами по себе, по своей природе = переход»¹².

Это означает, что каждое понятие, в силу имманентно присущей ему способности к движению вплоть до превращения, отождествления со своей противоположностью, выступает как определенный переход, символизируя собой новое качество связи, так сказать, «связь—переход» между одним явлением и другим. Эту мысль и утверждает ленинское выражение: «связь и есть переходы»¹³.

Полный смысл этого определения раскрывается в свете другого ленинского замечания: «...главное для Гегеля,—пишет Ленин,—наметить переходы. С известной точки зрения, при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее—не только (1) связь, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но (2) переходы одного в другое, и не только переходы, но и (3) тождество противоположностей»¹⁴.

Такое развертывание характеристик, такое логическое следование категорий (от «связи» к «переходу» и от него к «тождеству противополо-

¹¹ Там же, стр. 214.

¹² Там же, стр. 218.

¹³ См. там же, стр. 171.

¹⁴ Там же, стр. 168.

ложностей») выражает и движение познающей мысли от явления к глубокой сущности, от обнаружения связей явлений к раскрытию источника их движения и развития. Ленинский подход к понятию как к переходу раскрывает скачкообразный, диалектический характер развития познания.

Итак, определение понятия как перехода обнаруживает содержание и смысл «гибкости понятий». Соответственно тому, как выше мы выделили два момента противоречивой природы понятия, здесь мы можем выделить два аспекта его гибкости. а) Первый аспект относится к внутреннему движению понятия. В процессе познания, в процессе движения мысли само понятие выступает как переход: речь идет о разворачивании заложенного в понятии внутреннего богатства по мере усложнения его многообразных связей со множеством других понятий, что выступает в общелогическом плане как переходы противоположностей единичного и общего, абстрактного и конкретного и т. д. б) Второй аспект касается переходов одного понятия в другие, в результате которых создается стройная система взаимосвязанных, взаимообусловленных понятий. Научная теория являет собой пример того, как разворачивается логически стройная система взаимно согласованных, вытекающих друг из друга, переходящих одно в другое и снимающих друг друга понятий, благодаря чему теория описывает и объясняет определенную область действительности.

Относительно же формы перехода следует отметить характеристики: переход как скачок, который знаменует новую ступень в развитии знания (ср. «атом» древних и «атом» современной физики); переход как отрицание, но как диалектическое отрицание, т. е. снятие: каждое последующее понятие, выведенное из предыдущего, не отбрасывает его, а вбирает его богатство. Это снятие обеспечивает непрерывность познания в целом.

До сих пор мы выделяли в гибкости понятии их изменчивость, текучесть, переходы, между тем диалектически понятая гибкость понятий предполагает и их относительную устойчивость—их определенность.

Будучи по характеру общим, каждое понятие вместе с тем имеет определенное содержание, ограничивающее круг предметов, входящих в объем понятия и придающих ему качество устойчивости. Каждое понятие гибко уже в силу того, что оно несет в себе и определенность в смысле отграничения от других понятий, и определенную связь, ибо оно ассоциируется, связано с множеством других понятий. Однако определенность понятий (мысли) нельзя отождествлять с определенностью вещей.

В диалектическом понимании гибкость, текучесть и определенность, как присущие понятию характеристики, несколько не противоречат друг другу, а опять-таки находятся в диалектическом соотношении. Момент изменчивости заключен в самом понятии, а значит в определенности его. Закостенелое понятие уже не будет адекватным понятием о предмете, ибо сам предмет находится в состоянии постоянного изменения, перехода.

Движение, изменение понятий, с одной стороны, и их качественную определенность—с другой, нужно понимать как диалектическое единство, обеспечивающее объективность каждого момента в процессе познания.

Интересен вопрос о соотношении определенности и определения. Сущность вещи, согласно теории познания диалектического материализма, относительна—как в смысле глубины, так и аспекта, ракурса ее отражения. Изменчивый (гибкий) характер понятия и есть необходимое условие, обеспечивающее отражение сущности как относительной категории в каждом моменте познания. Многообразие, многосторонность сущности, проявляющаяся во множестве связей и аспектов вещи, обуславливает множественность возможных определений понятия об этой вещи. В этом—во множественности возможных определений одного и того же понятия—проявляется гибкость, изменчивость его. А в том обстоятельстве, что в каждом конкретном «контексте мысли» понятие выступает в одном из своих определений, проявляется момент устойчивости, определенности изменяющегося понятия.

Итак, диалектически понятая гибкость понятий предполагает момент определенности. Если мы забываем о моменте определенности, то приходим к выводу, что понятия только изменчивы. Игнорирование момента определенности в понятии естественно ведет к абсолютизации его изменчивости.

Сочетание же двух моментов—изменчивости и определенности—обеспечивает объективность отражения действительности в понятиях. Однако в относительности сущности вещи, отражаемой понятием, и соответственно в возможности многообразных определений заложены предпосылки субъективного применения гибкости понятий.

В этой связи встает вопрос о соотношении субъективного и объективного в понятии. Один из аспектов этого соотношения ведет к вопросу о том, как относится понятие к действительности.

Взаимосвязь понятия с объективным миром сложна и противоречива. Не будучи тождественными с предметами и явлениями материального мира, понятия объективны по своему содержанию. Однако, поскольку они суть форма мысли и существуют всего лишь в сознании,—они по форме субъективны. Действительность во всех случаях богаче, содержательней понятия. Это, конечно, не значит, что понятия можно считать фикцией по отношению к действительности. Ф. Энгельс писал о сложной диалектике отношения понятия и вещи: «Понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности. По той причине, что понятие обладает основной природой понятия, что оно, следовательно, не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от ко-

торой его сначала надо абстрагировать, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция...»¹⁵.

В противоречивости понятия уже как единства субъективного и объективного кроется причина возможности двойного подхода, трактовки ее гибкости, а отсюда и двойного применения—субъективного и объективного.

«Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,— вот в чем суть,— пишет Ленин.— Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»¹⁶.

Объективное применение гибкости понятия, как мы видели, основывается на ее диалектическом понимании, при котором она (гибкость) органически включает в себя определенность. А как же становится возможным субъективное применение гибкости понятий? Оно возможно при определенном подходе к гибкости понятий, а именно тогда, когда замечается их изменчивость, их переходы друг в друга, только лишь их относительность без момента их определенности, без того устойчивого, которое сохраняется в движении мысли, в развитии познания.

Такая абсолютизация изменчивости и относительности понятий представляет собой релятивистское истолкование гибкости понятий.

Релятивизм, в особенности релятивистское понимание гибкости понятий, как мы увидим ниже, ведет к различным формам субъективизма—скептицизму, агностицизму и софистике.

Нетрудно заметить, что в интересующем нас отношении—в подходе к природе понятия—различные формы субъективизма, основывающиеся на релятивизме, выступают как противоположность диалектике, как «антидиалектика». «Отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»¹⁷.

Взятый в общем, релятивизм есть философская (идеалистическая), точнее, теоретико-познавательная точка зрения, которая признает относительность и условность человеческого познания; она ставит знания в зависимость от познающего субъекта, от его телесного и психологического состояния и обстоятельств, в которых происходит восприятие действительности познающим субъектом.

Релятивизм, во всех своих проявлениях, возникает на почве сенсуализма и эмпиризма, суженных до чувств и сознания отдельного инди-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 482.

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 98—99.

¹⁷ Там же, стр. 358.

вида (вспомним: «человек есть мера всех вещей» древнегреческого софиста Протагора, «принципиальную координацию» «Я» и «среды» эмпириокритика Авенариуса, «sense data» Рассела и вообще современных позитивистов). Этим обуславливается определенная—релятивистская трактовка природы понятий: из таких, узко-эмпирических позиций невозможно объяснить относительность человеческих понятий, относительность отражения в них сущности вещей, историческую их ограниченность, их переходы и развитие. В результате понятия выступают только лишь как субъективные, только лишь «человеческие», замечается только лишь их изменчивость и их переходы.

Самым важным теоретико-познавательным результатом такого релятивистского взгляда на природу знания вообще и на природу понятия в частности является то, что выхолащивается познавательное содержание понятий, которые выступают как чисто субъективные формы—сугубо относительные и «условные». Изгнание из них момента абсолютного обуславливает отрицание объективно-истинного содержания их.

Релятивизм как теоретико-познавательная точка зрения составляет момент скептицизма. Здесь признание относительности и текучести человеческих понятий вылилось в форму принципа сомнения, который, заметим кстати, в истории философии играл—в пору зарождения скептицизма и в эпоху зарождения новой науки—также и положительную роль в качестве реакции против метафизической догматики, в корне отрицавшей движение познания в понятиях.

Исторически именно через скептицизм проникло релятивистское понимание гибкости понятий в агностические концепции, в частности в концепцию Юма. Какую значительную роль играет это понимание в теоретических построениях нового и новейшего субъективного идеализма,— в этом нетрудно убедиться, обратившись к ленинской критике эмпириокритицизма. В злоключениях махизма и его проявления в естествознании—«физического» идеализма—одной из основных теоретико-познавательных причин было непонимание диалектического соотношения устойчивости и относительности человеческих знаний, теоретическая беспомощность перед изменением, движением—более того—ломкой понятий, происшедшей к началу века¹⁸. Примечательно, что в эту эпоху Ленин обращается к детальному изучению диалектики познания, к обоснованию и дальнейшему развитию марксистского учения о диалектической природе понятия.

В современных субъективно-идеалистических учениях точка зрения релятивизма является одним из краеугольных камней. Логический позитивизм (своей логико-лингвистической концепцией науки) и прагматизм возводят в принцип субъективистскую оценку человеческих знаний. Многосторонность понятия, возможность многочисленных определений по-

¹⁸ В. И. Ленин писал, что одной из причин, породивших «физический» идеализм, «это—принцип релятивизма, относительности нашего знания, принцип, который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий и который—при незнании диалектики—неминуемо ведет к идеализму». (Соч., т. 14, стр. 295).

лнятий—вся диалектика понятий, обеспечивающая объективную истинность человеческого знания,—интерпретируется современными позитивистами и прагматистами как один из важнейших аргументов в пользу отсутствия объективной значимости понятий. Система понятий выступает как определенная мысленная конструкция, схема для систематизации данных опыта. Именно поэтому формально возможны различные, даже противоположные схемы, но они все равноправны, и мы вправе выбирать любую из них. Свобода выбора ограничивается лишь избранными нами критериями (простоты, удобства, полезности, экономичности и т. д.).

Скептицизм и агностицизм представляют из себя теоретико-познавательные концепции, включающие в себя в качестве одной из важнейших характеристик релятивизм и, в частности, релятивистское истолкование гибкости понятий. Как таковые—как теоретико-познавательные концепции—они являются субъективистскими пониманиями мышления, познания.

Софистика же является той формой субъективизма, в которой релятивистски трактуемая гибкость понятий служит основанием, предпосылкой и делает возможным субъективное применение гибкости понятий. Софистика, таким образом, имея гносеологические предпосылки, не находится в пределах теории познания, т. е. софистика не есть определенная трактовка познания, а, скорее, относится к «практике» мышления (оперированию понятиями).

Органическая связь софистики с релятивизмом уже задана в том примечательном факте, что точка зрения абсолютного релятивизма впервые была выдвинута софистом Горгием. В гносеологическом плане эта органическая связь софистики с релятивизмом заключается, прежде всего, в том, что софистика возможна лишь в результате субъективизации знания в релятивистском смысле, когда знания объявляются лишь сугубо относительно истинными, т. е. ставятся в зависимость от состояния индивида и от обстоятельств. В случае софистики это обстоятельство позволяет ставить знания в зависимость от целей и намерений субъекта. И, во-вторых, обусловленная субъективистским подходом абсолютизация изменчивости понятий в релятивизме дает возможность для осуществления основной логической характеристики софистики—для заключений, вводящих в заблуждение.

Указание в определении софистики на преднамеренность логической ошибки подчеркивает момент сознательности, чем и софистика смыкается с субъективизмом, в данном случае ставящим во главу угла цели, намерения субъекта. Определяющим для такого подхода являются в конечном счете социальные мотивы¹⁹.

¹⁹ Это вопрос о социальной сущности софистики, который является одним из компонентов общего явления софистики. Софистику мы рассматриваем как цельное гносеологическое, логическое и социальное явление. В данном случае интерес представляют лишь гносеологические предпосылки софистики.

О том, что именно релятивистское понимание гибкости понятий наиболее и даже единственно приспособлено к осуществлению основной задачи софистики—сознательному введению в заблуждение (с наличием необходимого момента правдоподобия) говорит следующее соображение. Обыкновенная логическая ошибка мало приспособлена для цели введения в заблуждение. Ошибка же, опирающаяся на абсолютизирование изменчивости понятий, релятивистский подход к понятиям, принимает более правдоподобный вид (форму). Ведь здесь оперируют одним из многочисленных определений, правда, вырванных из общей цепи, но все же правильных, правильных в своем месте, и поэтому такая ошибка более служит цели введения в заблуждение.

Таким образом, гибкость понятий, которая является основным выражением их диалектической природы, одновременно содержит в себе возможность субъективного использования в теоретико-познавательных концепциях, провозглашающих относительность человеческого знания. Вместе с тем, несмотря на внешний, казалось бы узко-теоретический, отвлеченный характер, проблема гибкости приобретает более широкое звучание: момент объективной изменчивости понятий при определенной извращенной ее трактовке служил средством практического использования для достижения субъективных целей вплоть до демагогического оправдания и защиты классовых интересов.

Ленинские идеи о субъективном применении гибкости понятий и о базирующейся на релятивизме софистике особую актуальность приобретают в период борьбы КПСС и международного рабочего движения против ревизионизма и догматизма. Недавно опубликованные материалы февральского пленума ЦК КПСС показывают, как китайские руководители, развернув фракционную борьбу в мировом коммунистическом движении и социалистическом содружестве, для «оправдания» своей догматической позиции вынуждены сплошь и рядом прибегать к всяческому софистическим вывертам. Видимость диалектики—лжедиалектика—характерная черта их «теоретических» рассуждений. Вопреки одному из основных требований марксистской диалектики—конкретности истины,—китайские «теоретики» оперируют высказываниями классиков марксизма-ленинизма в отрыве от контекста мысли и контекста ситуации. Более того, чаще всего исходным основанием в их рассуждениях служат те или иные высказывания «классиков китайского марксизма».

Как мы указывали, диалектика при оперировании понятиями рассматривает их не как готовые образования, а берет в непосредственном процессе их становления, соответствующем объективному процессу становления и развития мира. При таком подходе понятия выступают в связанной системе как развивающиеся, обогащающиеся, взаимопереходящие и в процессе своих взаимопереходов воссоздают действительную картину мира: действительность как бы раскрывает свое богатство в понятиях человека.

Таким образом, система понятий, логически стройно связанная в

теорию, будучи по своей форме абстрактной, несет в себе объективное конкретное содержание.

Между тем в «диалектических» рассуждениях «китайских марксистов» очень характерным является подход к системе понятий — к теории — как к абстрактной безжизненной схеме: формулируя определенные общие положения марксистской теории и крайне абстрагируя эти положения, теоретики КПК выводят из них отвлеченные безжизненные «схемы-истины» и пытаются все богатство и многообразие явлений объективной действительности поместить в их рамки. В области философской теории этот схематизм проявляется в дедуцировании из положений материалистической диалектики абстрактных односторонних определений, в результате чего «абстрактная истина» философии «превращается в фразу» (Ленин).

Например, существенно важное положение о развитии путем борьбы противоположностей сводится китайскими теоретиками к провозглашению таких «истин» и таких «лозунгов», как «без беды нет счастья и без счастья нет беды», «без работы нет необходимости в отдыхе и без отдыха невозможно работать» и других банальностей, которые упрощают глубокую суть диалектики, превращая ее в мертвую схему и сумму примеров.

Диалектика является мощным теоретическим оружием, обеспечивающим объективную истинность марксистско-ленинской теории, а ее незнание или неумение применять ее в мышлении ведет к неудачам в теории и на практике.

Վ. Գ. Օսիպովա

Վ. Ի. ԼԵՆԻՆԸ ՀԱՍԿԱԳՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՃԿՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հասկացությունների ճկունությունը նրանց դիալեկտիկական բնույթի կարևորագույն հատկանիշներից մեկն է: Հասկացությունների ճկունության վերլուծությունը միայն զուտ տեսական նշանակություն չունի. պատահական չէ, որ այդ հարցին Լենինը մեծ կարևորություն էր տալիս Ռուսաստանում ռևոլյուցիոն վերելքի բուռն տարիներին, երբ նա կատարելագործում էր մարքսիզմի տեսական զենքը և պայքարում մարքսիզմի փրկիսփայտության ու ռևոլյուցիոն ուսմունքի ռեզիստենտների դեմ, որոնք տեսության բնագավառում հիմնվում էին հակադիալեկտիկայի տարբեր ձևերի վրա:

Երևույթների համընդհանուր կապն ու փոխադարձ անցումները պայմանավորում են հասկացությունների բնորոշ հատկանիշները՝ նրանց շարժունությունը, հոսունությունը, ճկունությունը, ռելյատիվությունը՝ որպես իրականության երևույթների բազմազան անցումներն արտապատկերելու անհրաժեշտ պայման:

Հողվածում քննվում են հասկացութիւնների հակասական էութեան երկու մոմենտները, այն է՝ հասկացութեան հակասականութիւնը իբրև նրա մեջ իրականութեան հակասութիւնների արտացոլման արգասիք, և բուն հասկացութեան՝ որպես տրամաբանական կատեգորիայի՝ հակասականութիւնը: Միաժամանակ բացահայտվում են հասկացութեան ճկունութեան երկու առումները, որոնցից մեկը վերաբերում է իմացութեան պրոցեսում հասկացութեան ներքին շարժմանը, իսկ մյուսը՝ մի հասկացութեան անցմանը մեկ ուրիշի:

Հասկացութեան ճկունութեան դիալեկտիկական ըմբռնումը ենթադրում է նրանց որոշակիութիւն: Իսկ երկու մոմենտների՝ փոփոխականութեան և որոշակիութեան դուգորդումը ապահովում է իրականութեան օբյեկտիվ արտացոլումը հասկացութիւնների մեջ:

Այնուհետև բացահայտվում է հասկացութիւնների ճկունութեան ուլտրա-տիպիստական մեկնաբանութեան էութիւնը և ցույց է տրվում նրա տեղը սուբյեկտիվիզմի տարրեր ձևերի՝ սկեպտիցիզմի, ագնոստիցիզմի մեջ, ինչպես և հասկացութիւնների ճկունութեան սուբյեկտիվ կիրառութեան՝ սոփեստականութեան մեջ: